

ГОДЪ

XXXI.

УКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ

№ 15.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1890 года, Апрѣля 8-го.

Содержаніе: Нѣсколько практическихъ наставленій священникамъ-миссіонерамъ для борьбы со штундой.—Дѣятельность пастыря Церкви по исполненію долга врачеванія нравственныхъ недуговъ своей паствы.—Боже-ственное установленіе пастырскаго служенія.—Какъ вести внѣбогослужебныя чтенія для народа?—Извѣстія и замѣтки.

**Нѣсколько практическихъ наставленій священ-
никамъ-миссіонерамъ для борьбы со штундой.**

Кругъ дѣятельности священника, въ приходѣ котораго есть сектанты-штундисты, въ весьма значительной степени осложняется и расширяется спеціального рода дѣятельностью—именно, миссіонерскою. Если пастырская дѣятельность священника, простирающаяся на всѣ стороны религіозно-нравственной жизни прихожанъ, не легка и сложна, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о пастырско-миссіонерской дѣятельности, преслѣдующей, кромѣ пастырскихъ, еще двѣ спеціальныя задачи: защиту Православной Церкви отъ вторженія въ нее лжеученій и ослабленіе сектантства. Хотя кругъ

дѣятельности пастыря-миссіонера не легко и многосложно, но—сказать правду—онъ вполне соразмѣримъ съ человѣческими силами. Однако намъ нерѣдко приходилось слышать изъ устъ многихъ священниковъ, на долю которыхъ выпало вести борьбу съ штундизмомъ, горькія жалобы на „чрезмѣрные тяготы“ своего служенія—на сложность и чрезвычайную трудность пастырско-миссіонерскихъ обязанностей. „Обязанности священника-миссіонера, сѣтуютъ нѣкоторые изъ пастырей, настолько многосложны, что превышаютъ силы пастыря: священникъ долженъ быть строителемъ Таинъ Божіихъ, учителемъ и руководителемъ своей паствы, требоисправителемъ и законоучителемъ въ церковно-приходской школѣ и обязанъ стоять на стражѣ православія, заботясь объ огражденіи своей паствы отъ вторженія въ нее лжеученій и о возвращеніи въ лоно православія, отпадшихъ отъ Церкви. Согласитесь съ тѣмъ, что на приходскомъ священникѣ лежитъ чрезвычайно много обязанностей, помимо миссіонерскихъ. Право, одному священнику невозможно нести столько обязанностей!..“ Съ своей стороны мы не отрицаемъ трудностей пастырско-миссіонерской дѣятельности, имѣющей свои *тернии и волчцы*, но не можемъ сочувствовать этимъ сѣтованіямъ и нареканіямъ, такъ какъ тѣ, отъ кого исходятъ эти сѣтованія, ужь слишкомъ и слишкомъ сгущаютъ краски при изображеніи многотрудностей пастырско-миссіонерской дѣятельности. Но еще настоятельнѣе мы вынуждаемся не сочувствовать этимъ сѣтованіямъ потому, что они проникнуты духомъ эгоизма, а не духомъ любви и самоотверженности. Потому-то всѣ подобныя жалобы и сѣтованія на чрезвычайныя „тяготы“ пастырскаго служенія, осложненнаго еще кругомъ миссіонерской дѣятельности, не могутъ быть оправдываемы. Будучи заинтересованы успѣхомъ борьбы православія съ сектантствомъ, съ своей стороны мы считаемъ необходимымъ предложить нѣсколько практическихъ

указаній и руководительныхъ наставленій священникамъ-миссіонерамъ для борьбы со штундой. Если наши наставленія и указанія окажутъ хотя малѣйшую услугу пастырямъ Церкви въ дѣлѣ борьбы съ сектантами, то цѣль предлагаемой замѣтки будетъ достигнута.

Общеизвѣстенъ фактъ, что идея или общій принципъ, руководящій всею дѣятельностью, въ большинствѣ случаевъ имѣютъ огромное вліяніе и на самый успѣхъ этой же дѣятельности. Поэтому желательно было бы, чтобы вся дѣятельность пастыря, приходъ котораго зараженъ сектантствомъ, объединялась одною общою идеею и направлялась къ одной общей цѣли. Иначе сказать,—желательно было бы, чтобы между *пастырскою* (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) и *миссіонерскою* дѣятельностью священника не было противорѣчія и диссонанса, чтобы созидаемое одною рукою не разрушалось другою. Такою идеею, объединяющею дѣятельность священника, какъ пастыря и миссіонера, должна служить *идея устройства и созиданія тѣла Христова* (Еф. IV, 12). Исходя изъ этой идеи, пастырь Церкви и долженъ направлять свою дѣятельность къ торжеству православія: къ ослабленію сектантства—съ одной стороны, а съ другой—къ огражденію Церкви Христовой отъ вторженія въ нее лжеученій и лжеучителей. При этомъ священникъ-миссіонеръ никогда не долженъ опускать изъ виду, что въ его приходѣ гнѣздится зло, противъ котораго онъ долженъ бороться всѣми, имѣющимися въ его распоряженіи средствами,—потому и всю свою дѣятельность долженъ такъ направлять, чтобы чрезъ нее проходила *красною нитью* идея борьбы съ зломъ и идея самосохраненія и самоутвержденія въ истинѣ. Иначе сказать, вся пастырская дѣятельность священника, приходъ котораго зараженъ штундизмомъ, должна носить *по преимуществу миссіонерскій характеръ* и должна быть распространяема подъ этимъ угломъ зрѣнія. По нашему мнѣнію, такая поста-

новка дѣла наиболѣе цѣлесообразна, она — наиболѣе практична. Допустимъ, возможна и иная постановка дѣла; но едва ли она будетъ прямо вести къ той цѣли, которая преслѣдуется пастырско-миссіонерскою дѣятельностью. Намъ кажется, что всякая иная постановка дѣла, помимо указанной нами, по меньшей мѣрѣ будетъ неестественна, потому будетъ медленно вести къ цѣли и можетъ даже повести къ раздѣленію *единой, нераздѣльной пастырско-миссіонерской дѣятельности.*

Прежде чѣмъ говорить о пастырско-миссіонерской дѣятельности, считаемъ бесполезнымъ сказать нѣсколько словъ о поведеніи пастыря. Считаемъ это необходимымъ потому, что поведеніе или нравственность священника должна стоять въ непосредственной связи съ его дѣятельностью, и между ними не только не должно быть диссонанса, но напротивъ того — должна быть полная гармонія и соотвѣтствіе.

Священникъ, на долю котораго выпало вести борьбу съ сектантствомъ, прежде всего долженъ обратить вниманіе на себя — на свое благоповеденіе. Это требованіе настоятельно вытекаетъ изъ идеи пастырскаго служенія. Пастырь Церкви, на обязанности котораго лежитъ держать знамя православія высоко, первѣе всего долженъ осуществлять въ своей жизни высокій идеалъ пастыря и долженъ быть свѣточемъ, стоящимъ на свѣщницѣ и разливающимъ по всѣмъ направленіямъ свѣтъ истины Христовой. Соль пастырства, по слову Спасителя, не только не должна бують, но всегда должна воздѣйствовать на нравственное преуспѣяніе пасомыхъ и предохранять ихъ отъ тлетворнаго гніенія. Иначе — пастырь долженъ быть образцомъ жизни для своихъ прихожанъ и своимъ благоповеденіемъ благотворно вліять на нравственное преуспѣяніе своихъ пасомыхъ. Въ особенности священникъ, приходъ котораго не свободенъ отъ сектантовъ, никогда не долженъ выпускать изъ виду того, что сектанты-штундисты вездѣ и

всегда стараются бросить тѣнь на православіе и его представителей, чтобы подорвать въ корнѣ авторитетъ православныхъ пастырей. Пастырь Церкви не долженъ опускать изъ виду, что простые люди, равно какъ и сектанты, не могутъ возвыситься до такой степени умственного развитія, чтобы отдѣлять личность пастыря отъ православія, чтобы личныхъ недостатковъ пастыря не переносить на вѣроисповѣданіе, представителемъ котораго онъ является. Въ большинствѣ же случаевъ бываетъ такъ, что „недостатки, замѣченные въ пастырѣ, служатъ къ униженію не его только личности, но и къ униженію той Церкви, служителемъ и стражемъ которой онъ призванъ быть“ (Руков. для сельск. паст. 1889 г. № 21, стр. 70). Въ силу этихъ обстоятельствъ, пастырь Церкви обязанъ неустанно преслѣдовать цѣль нравственного своего самоусовершенствованія: идея нравственного преуспѣянія должна быть руководительнымъ началомъ всей его дѣятельности. Если священникъ неустанно будетъ руководиться въ своей дѣятельности этимъ основнымъ принципомъ, то достигнетъ того, что дѣятельность его будетъ проникнута духомъ любви и справедливости—качествами, которыми должна характеризоваться и характеризуется истинная пастырская дѣятельность. Кромѣ этого, всякій пастырь, а тѣмъ болѣе—священникъ-миссіонеръ, долженъ обратить особое вниманіе на то, чтобы вся его дѣятельность отличалась тактичностью и ровностью,—спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Эти два качества, столь необходимыя при исполненіи пастырскихъ обязанностей, окажутъ неоцѣненную услугу пастырю въ миссіонерской его дѣятельности: они предохранятъ его отъ увлеченій и ошибокъ, которыя менѣе всего умѣстны въ дѣлѣ миссіи. Коротко скажемъ,—если пастыри будутъ стоять высоко въ мнѣніи, какъ своихъ пасомыхъ, такъ и сектантовъ,—то они не только не будутъ давать поводовъ къ порицаніямъ себя и православія, но нравственная ихъ высота даже можетъ

служить если не притягательною силою для сектантовъ, то по крайней мѣрѣ средствомъ косвеннаго воздѣйствія на заблудшихъ—средствомъ постепеннаго отрезвленія и охлажденія ихъ религіозной нетерпимости. Для иллюстраціи высказаннаго нами положенія можно было бы привести нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ живой дѣйствительности, но, въ виду его простоты и осязательной очевидности, считаемъ это излишнимъ.

Первымъ объектомъ дѣятельности священника - миссіонера должны быть его же пасомые—православные прихожане. Быть можетъ, кто нибудь сдѣлаеть такое возраженіе: священникъ - миссіонеръ долженъ преимущественное вниманіе обращать на борьбу съ сектантами - штундистами, а не отодвигать этотъ родъ дѣятельности на второй планъ. Вмѣсто того, чтобы входить въ пререканія и излишнія разсужденія, обратимся къ евангельской исторіи и тамъ постараемся найти разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса. Дѣятельность Господа нашего Иисуса Христа—какъ величайшаго и совершеннѣйшаго Пастыреначальника не должна ли служить образцомъ и для пастырско - миссіонерской дѣятельности священника? Во время своего земнаго служенія Господь Иисусъ Христосъ жилъ и дѣйствовалъ въ странѣ и среди Своего избраннаго народа еврейскаго. Почти всѣ Его чудеса были совершены въ странѣ богоизбраннаго и для того же богоизбраннаго народа; вся земная дѣятельность и все ученіе Божественнаго Учителя было главнымъ образомъ направлено ко спасенію погибшихъ овецъ дома Израилева (Матѣ. 15, 24). Если Господь иногда училъ, жилъ и дѣйствовалъ не среди Своего народа, если творилъ чудеса среди и для иноплеменниковъ, то это допускалось въ видѣ исключенія. И въ самомъ дѣлѣ, что означаютъ слова Господа, сказанныя въ отвѣтъ на просьбу Его учениковъ исцѣлить дочь хананейки: „Я посланъ къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“,—или что означаютъ слова,

сказанныя Господомъ въ отвѣтъ хананеянкѣ, просившей исцѣлить ея дочь: „не хорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ“ (Матѣ. 15, 24. 26), какъ не указаніе на то, что богоизбранный народъ Израиля былъ предметомъ особаго Божія попеченія и ближайшимъ образомъ вся дѣятельность Богочеловѣка направлялась къ тому, чтобы плоды искупленія и примиренія падшаго человѣка съ Богомъ прежде всего были усвоены этимъ же народомъ и чтобы онъ сталъ вслѣдствіе этого сугубо близкимъ Богу, прежде другихъ народовъ. Развѣ исцѣленіе дочери хананеянки, послѣдовавшее послѣ отвѣта иноплеменницы полного глубокой вѣры: „Господи, и пси ѣдятъ крохи, которыя падаютъ со стола господъ ихъ“ (Матѣ 15. 27),—не подтверждаетъ нашего положенія и не указываетъ на то, что исцѣленіе иноплеменницы было совершено Господомъ въ видѣ исключенія—въ видѣ отступленія отъ общаго плана земной дѣятельности Богочеловѣка? Развѣ мы не знаемъ изъ исторіи апостольскаго вѣка, что дѣятельность апостоловъ прежде всего направлялась къ іудейскому народу и, только послѣ упорства его принять провозвѣщаемыя учениками спасительныя истины благовѣстія Христова, была перенесена въ міръ языческой? Примѣръ Господа и Его учениковъ долженъ всегда служить образцомъ и руководительнымъ началомъ въ дѣятельности священника-миссіонера.

П. Козицкій.

(Продолженіе будетъ).

Дѣятельность пастыря Церкви по исполненію долга врачеванія нравственныхъ недуговъ своей паствы ¹⁾.

Пастырь Церкви призывается искоренять всѣ пороки, какіе видитъ въ своей паствѣ, призывается лѣчить всѣ грѣховныя болѣзни, отъ какихъ страдаютъ его пасомые. Но иные нравственные недуги возбуждаютъ къ себѣ особенное вниманіе пастыря, и сила обстоятельствъ вызываетъ его на напряженную, усиленную борьбу съ ними. Это тѣ недуги, которые наиболѣе укоренились въ народѣ, и отъ которыхъ наиболѣе страдаетъ наше общество. Мы считаемъ нужнымъ назвать два изъ нихъ, служація темнымъ пятномъ на добромъ имени русскаго народа: это во-первыхъ пьянство, во-вторыхъ сквернословіе или матерная брань. Въ силу того, что эти, указанные нами, нравственные язвы слишкомъ усилились въ народѣ, пастырь Церкви съ особенною ревностію и настойчивостію долженъ стараться искоренять ихъ.

Всѣмъ извѣстна губительная сила порока пьянства. Всѣ видятъ, до какого безобразія и до какого униженія доводитъ оно человѣка, и къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ оно того, кто предается ему. Предосудительное и безнравственное само въ себѣ, оно вовлекаетъ несчастнаго во множество другихъ безнравственныхъ дѣйствій. Въ пьяномъ видѣ совершаются такія преступленія, отъ которыхъ воздержался бы и на которыя не рѣшился бы человѣкъ въ трезвомъ состояніи. Блудъ, оскорбленія, драки, сопровождающіяся увѣчьями, а иногда и смертоубійствомъ, склоненіе на другія, болѣе тяжкія, преступленія,—вотъ плоды дѣйствія виновныхъ паровъ. Уголовная статистика свидѣтельствуетъ, что едва ли не половина уголовныхъ преступленій, за которыя виновные

¹⁾ См. № 14-й.

подвергаются тяжкимъ наказаніямъ, совершается людьми въ состояніи, если не опьяненія, то возбужденія винными парами. Не менѣе печальныя послѣдствія, чѣмъ въ области нравственной, влечетъ за собою пьянство и въ области экономической и семейно-общественной. Пьянство разстраиваетъ хозяйство, — разстраиваетъ болѣе, чѣмъ какое либо общественное бѣдствіе, въ родѣ засухи, града или эпизоотіи, потому что эти несчастія, тяжело отзывающіяся въ быту селянина, — несчастія временныя, случайныя, а пьянство — причина хозяйственнаго расстройства дѣйствующая безостановочно и постоянно, и потому болѣе разрушительно. Оно, если подвергается ему человѣкъ, истощаетъ послѣднія средства его, и изъ человѣка достаточнаго дѣлаетъ бобыля, у котораго и домъ покривился и разрушается, и рабочій инвентарь не въ порядкѣ, и всюду видны недостатки, если не прямо нищета. Отъ него бѣднѣетъ и погибаетъ наша деревня и понижается степень благосостоянія селянъ нашихъ. При этомъ какимъ лишеніямъ подвергаются тѣ семейства, въ которыхъ глава или видный членъ пристращается къ водкѣ! Какія семейныя непріятности отсюда возникаютъ! Какія тяжелыя чувства испытываютъ и какія скорбныя минуты переживаютъ члены той семьи, въ которой есть пьяница, часто являющійся въ домъ въ безобразномъ видѣ, и въ то же время готовый все тащить изъ дома для удовлетворенія своей пагубной страсти! Кромѣ того, какъ губительно дѣйствуетъ пьянство на самого предающагося этому пороку! Оно разстраиваетъ его здоровье и преждевременно истощаетъ его силы не физическія только, но и душевныя. Оно дѣлаетъ человѣка дряхлымъ и вялымъ и сокращаетъ даже дни его жизни, разслабляя его организмъ и подвергая его такимъ болѣзнямъ, какихъ онъ не зналъ бы, если бы не былъ преданъ пьянству. Къ сожалѣнію, эта дряблость не ограничивается однимъ лицомъ, виновнымъ въ пьянствѣ. Она переходитъ отъ него къ дѣтямъ, и отражается въ

нихъ разными болѣзненными явленіями. Вслѣдствіе распространенія пьянства хилѣтъ цѣлое поколѣніе и вырастаетъ слабымъ и истощеннымъ.

Между тѣмъ этотъ безобразный и губительный порокъ распространяется среди народа, въ особенности среди сельскихъ населеній, съ силою неудержимой эпидеміи. Издавна отъ него страдалъ русскій народъ. Еще въ уста св. Владиміра лѣтописцы влагаютъ слова: Руси веселіе пити. И вотъ на протяженіи многихъ вѣковъ, насколько простирается кругозоръ историка, отмѣченъ рѣзкою чертою этотъ недостатокъ русскаго народа, и въ нашей древней поучительной литературѣ ни одинъ порокъ не вызывалъ противъ себя такъ много обличеній и увѣщаній, какъ порокъ пьянства. Но не смотря на противодѣйствіе, какое старались оказывать усилію пьянства въ народѣ ревнители чистоты народной нравственности, зло не уменьшалось. Напротивъ, въ послѣднія десятилѣтія, разливъ этого зла принимаетъ такіе размѣры, какихъ оно не имѣло въ прежнее время. Со времени освобожденія крестьянъ и увеличенія числа питейныхъ заведеній, послѣ отмѣны откупной системы, когда соблазна стало больше, а сдерживающей власти меньше, народъ предался чуть не поголовному пьянству. Пьютъ и старые и зрѣлые и молодые люди; пьютъ подростки; пьютъ не мужчины только, но и женщины. Скорбятъ друзья народа, при видѣ такой пагубы, развѣдающей народный организмъ нашъ; скорбятъ всѣ, стоящіе близко къ народу и бывающіе чуть не ежедневными свидѣтелями безобразій, производимыхъ пьянствомъ; вздыхаютъ сами преданные пьянству. Но зло все растетъ, а не умалется.

Не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ, по отношенію къ чрезмѣрному разливу губительнаго пьянства въ народѣ, пастырь, духовный отецъ и руководитель народа. У него глубоко должна лежать на сердцѣ скорбная забота объ

искорененіи, или по крайней мѣрѣ объ уменьшеніи этого зла въ той средѣ, которая ввѣрена его ближайшему непосредственному руководству.

Что же можетъ онъ сдѣлать въ этомъ случаѣ? Какія есть средства въ его рукахъ для противодѣйствія злу? Какія мѣры онъ можетъ предпринимать, чтобы остановить распространеніе пьянства и водворить въ народѣ трезвость и воздержаніе?

Нельзя не сознаться, что зло, о которомъ мы говоримъ, такъ велико, такъ всеобще, до того укоренилось въ народѣ, что силы одного человѣка совершенно недостаточны для успѣшной борьбы съ нимъ. При представленіи этого у многихъ радѣтелей отрезвленія народа опускаются руки, и они не хотятъ предпринимать никакихъ мѣръ для противодѣйствія пьянству, думая, что нечего напрасно трудиться: все равно, слабымъ единичнымъ силамъ не остановить разлива, распространяющагося на подобіе эпидемической болѣзни. Было бы жаль, если бы подобное чувство безсилія для борьбы съ пьянствомъ овладѣло душою пастыря и парализовало его стремленіе къ посильной дѣятельности. Бороться трудно съ пьянствомъ, но бороться можно, и можно съ надеждою на успѣхъ. И единичная дѣятельность въ этомъ случаѣ, направленная ко благу народа, не пропадетъ даромъ, особенно, если она будетъ ведена энергично, послѣдовательно и неутомимо, и будетъ проникнута одушевленною горячею любовію къ народу. Но истинный ревнитель блага народнаго не останется въ этомъ случаѣ одинокимъ. Его горячая ревность вызоветъ участіе и содѣйствіе другихъ; къ нему явятся добрые сотрудники, и дружными усиліями можно создать значительныя преграды для удержанія разлива зла, если не для совершеннаго его искорененія, въ той мѣстности, на которую простирается дѣятельность радѣтелей отрезвленія народа.

Итакъ, въ сознаниі долга, одушевленный любовью къ народу, пусть пастырь бодро выступаетъ на борьбу съ пьянствомъ, — этимъ страшнымъ врагомъ народа, производящимъ среди него ужасныя опустошенія и доводящимъ его до жалкаго положенія.

Первое средство, какимъ онъ можетъ дѣйствовать при этой борьбѣ, — пастырскія наставленія о вредѣ пьянства, — церковныя, публичныя, и частныя, домашнія. Если гдѣ, то здѣсь, при борьбѣ съ пьянствомъ, умѣстно вспоминать и прилагать къ дѣлу наставленіе апостола Павла Тимооею, и въ лицѣ его всѣмъ позднѣйшимъ служителямъ Церкви: проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли, со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ (2 Тим. IV, 2).
 Добрый пастырь, преданный своимъ прихожанамъ, съ болью сердца будетъ давать свои наставленія противъ порока пьянства при всякомъ удобномъ случаѣ, и онъ неустанно будетъ вести ихъ, если будетъ видѣть своихъ дѣтей духовныхъ болѣющими этимъ недугомъ. Въ этихъ наставленіяхъ, публичныхъ и частныхъ, онъ можетъ и долженъ показывать всю гнусность и все безобразіе порока пьянства, весь неисчислимый вредъ, какой онъ приноситъ народу, то нравственное паденіе, до какого онъ доводитъ лицо, ему преданное, то обнищаніе и хозяйственное разстройство, какимъ онъ сопровождается. У него предъ глазами картины жалкой жизни въ семействахъ, гдѣ глава пьянствуетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ картины порядка, довольства и благоустроенности въ семьѣ, гдѣ блюдетъ трезвость, и эти картины полезно выставять на видъ для болѣе внушительнаго назиданія. Въ особенности пастырь долженъ возвышать свой голосъ, когда бываетъ свидѣтелемъ какихъ либо безобразій, происходящихъ отъ пьянства, или когда обычай, наслѣдованный отъ дѣдовъ, вызываетъ жителей нашихъ селъ и деревень къ излишнему и не-

умѣренному употребленію вина, что бываетъ на сельскихъ храмовыхъ праздникахъ, на ярмаркахъ, на свадьбахъ и при другихъ подобныхъ случаяхъ. Отъ чего не предостеречь слабыхъ, при видѣ соблазна? Отъ чего не настаивать предъ ними, чтобы они отстали отъ дурнаго обычая, чтобы христіанскіе праздники проводили свято и не оскверняли ихъ безчинствами, чтобы на свадьбахъ и другихъ семейныхъ торжествахъ не дозволяли себѣ никакихъ излишествъ, нерѣдко ведущимъ къ печальнымъ послѣдствіямъ? Это совершенно извращенный порядокъ жизни, когда безъ водки не могутъ справить никакого торжества, не могутъ представить никакого веселья. Противъ такого порядка или лучше безпорядка пастырь долженъ дѣйствовать словомъ, наставленіемъ, обличеніемъ, и на мѣстѣ его водворятъ порядокъ новый, болѣе приличный христіанамъ и болѣе соотвѣтственный мирнымъ чувствамъ нравственныхъ людей.

Могутъ сказать, — и не напрасно, — что нельзя ожидать большихъ результатовъ отъ простыхъ увѣщаній и поучительныхъ рѣчей въ борьбѣ со зломъ, свѣдающимъ нашъ крестьянскій людъ. Очень часто эти поучительныя рѣчи, подобно вѣтру, проносятся надъ головами людей. Виновные въ пьянствѣ сами, можетъ быть, чувствуютъ весь вредъ и все безобразіе пьянства. Иные изъ нихъ со слезами могутъ слушать ваше теплое увѣщательное слово противъ пьянства. Но по обычной слабости они не выдержатъ себя при соблазнѣ и при первомъ представившемся случаѣ поддадутся искушенію: страсть дѣлаетъ ихъ своими невольниками. — Но отъ добраго совѣта, отъ полезнаго наставленія, внушаемаго долгомъ и любовію, нельзя отказываться потому только, что это доброе наставленіе не всегда принимается къ сердцу и прилагается къ дѣлу тѣми, къ которымъ направляется. Скорѣе нужно доброе слово подкрѣплять, чѣмъ только можно, чтобы оно принесло какой либо плодъ въ жизни народа, воздѣлываемой,

по указанію Церкви, вашими руками. Чѣмъ же можно подкрѣплять доброе слово, направленное противъ пьянства?

Силу слова можно и нужно укрѣплять собственнымъ примѣромъ, примѣромъ трезвой, воздержной жизни. Человѣкъ имѣетъ наклонность убѣждаться больше дѣлами, нежели словами. Можетъ ли быть внушительно и дѣйственно слово противъ пьянства отъ того, кто самъ позволялъ себѣ, въ присутствіи другихъ, излишнее употребленіе спиртныхъ напитковъ? Напротивъ другой вѣсь и другую силу получаетъ слово о томъ же, если оно исходитъ отъ человѣка, поставляющаго трезвость правиломъ своей жизни. Требуется непременно собственное самоограниченіе въ этомъ случаѣ отъ пастыря, которому долгъ и любовь къ народу велятъ вставать противъ болѣзни пьянства. Для большей дѣйственности примѣра на народъ важно воздержаніе не только отъ излишняго употребленія водки, доводящаго до опьяненія, но и отъ умѣреннаго употребленія всякихъ спиртныхъ напитковъ. Человѣкъ, сильно ратующій противъ этого общественнаго зла (г. Рачинскій), тогда увидѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ своей борьбѣ съ нимъ, когда самъ рѣшительно отказался отъ употребленія всякихъ спиртныхъ напитковъ и склонилъ къ этому нѣкоторыхъ другихъ изъ мѣстной интеллигенціи, и это сдѣлали они, какъ признается г. Рачинскій, „изъ доброжелательства людямъ слабымъ, нуждающимся въ поддержкѣ не однимъ словомъ, но и примѣромъ... Это оказалось (говорить онъ) самымъ могучимъ рычагомъ его личнаго участія въ дѣлѣ... Мало того (прибавляетъ онъ), я убѣдился, что и люди, одаренные краснорѣчіемъ, проникнутые наилучшими намѣреніями, остаются совершенно безсильными въ борьбѣ съ пьянствомъ, пока лично не устраняютъ отъ себя всякую его возможность“... Въ сознаніи гибельности пьянства, и вмѣстѣ въ сознаніи высокой важности примѣра въ борьбѣ съ этимъ зломъ, упомянутый нами достоуважаемый радѣтель

общественнаго блага, въ концѣ своей статьи, изъ которой мы привели выдержки, обращается съ глубоко прочувствованнымъ задушевнымъ словомъ къ воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній, — будущимъ пастырямъ, на которыхъ лежитъ долгъ оберегать народъ отъ всякаго нравственнаго зла, и умоляетъ ихъ показать народу примѣръ трезвости. „Пожалѣйте себя (говорить онъ), пожалѣйте свою будущую паству. Историческая минута, переживаемая нами, — минута великая и страшная. При вашей жизни, на вашихъ глазахъ завершится приобщеніе, путемъ быстро распространяющейся грамотности, многочисленнѣйшаго изъ христіанскихъ народовъ міра къ первымъ ступенямъ жизни сознательной. И этотъ народъ — вамъ не чужой: вы плоть отъ плоти, вы кость отъ костей его; вы призваны быть солью безмѣрной земли, имъ постоянно расширяемой. Чтобы стать этою солью, не откладываете созиданія въ себѣ внутренняго человѣка. Въ числѣ добродѣтелей, требуемыхъ отъ пастыря, трезвость занимаетъ скромное, второстепенное мѣсто. Это даже не добродѣтель, но лишь отсутствіе порока. Но вѣдь безъ нея всѣ прочія добродѣтели ни зародиться, ни развиться, ни укрѣпиться не могутъ. Начнемъ же, въ глубокомъ смиреніи, съ легкаго, съ близкаго, съ малаго, — и Богъ дастъ намъ силы на большее, на лучшее“¹⁾...

Далѣе, нельзя довольствоваться, въ борьбѣ съ пьянствомъ, одними теоретическими мѣрами, въ родѣ увѣщаній и обличеній. Какъ бы ни были сильны и искренни они, какимъ бы назидательнымъ примѣромъ ни сопровождались, они являются недостаточными для прекращенія такого зла, какимъ является почти всенародное пьянство. Необходимы практическія мѣры, которыя бы дѣйствовали на слабую волю сильнѣе

¹⁾ Изъ записокъ сельскаго учителя. Русскій Вѣстникъ. 1889. Кн. VIII.

теоретическихъ средствъ убѣжденія, и которыми бы можно было устранять соблазны, способствующіе умноженію пьянства. Трудно пастырю своими единичными силами провести въ жизнь дѣйственныя практическія мѣры противъ пьянства. Если когда, то именно въ этомъ случаѣ ему необходимо обратиться къ содѣйствию общества или лучшихъ его представителей и въ немъ искать помощниковъ и сотрудниковъ себѣ, и потомъ соединенными силами полагать преграды разливу зла, принимающаго иногда въ его глазахъ ужасающіе размѣры. Отъ пастыря Церкви ожидается, что онъ будетъ инициаторомъ добраго дѣла, возбудителемъ общественныхъ силъ къ противодѣйствию пьянству, будетъ руководителемъ ихъ на пути къ доброй цѣли, и если не отъ него выйдетъ починъ къ принятію какихъ либо мѣръ для ограниченія пьянства, онъ не отнесется къ этому почину съ холоднымъ равнодушіемъ, а постарается дать ему движеніе и по мѣрѣ возможности укрѣпитъ его. Вообще пастырь Церкви долженъ стоять во главѣ той благонамѣренной части общества, которая озабочена уменьшеніемъ порока пьянства, и всякими способами увеличивать число членовъ такой части.

Божественное установленіе пастырскаго служенія¹⁾.

Въ 28-мъ стихѣ 12-й главы перваго посланія св. апостола Павла къ Коринейцамъ между установленными Богомъ въ Церкви служеніями и ниспосланными Имъ дарованіями (*χαρίσματα*) упоминаются также *заступленія*, *правленія* (*ἀντιλήψεις*, *κυβερνήσεις*), по русскому переводу „вспоможенія, управленія“. Это, безъ сомнѣнія, было одно изъ чрезвычай-

1) См. №№ 51 и 52 за 1889 г.

ныхъ служеній апостольскаго времени. Оно возлагалось, вѣроятно, на лицъ особенно вліятельныхъ въ обществѣ, занимавшихъ болѣе или менѣе важное общественное положеніе или, быть можетъ, отличавшихся особенно сильнымъ характеромъ. Эти лица облекались особенною властію для содѣйствія апостоламъ и первымъ, поставленнымъ ими, пастырямъ въ управленіи Церковью. Эти помощники въ управленіи едва ли имѣли священный санъ; они были только временными руководителями вѣрующихъ, содѣйствовали Церкви силою своего общественнаго авторитета въ ея борьбѣ противъ внутреннихъ беспорядковъ между новообращенными и вообще противъ разнаго рода вредныхъ вліаній внутреннихъ и внѣшнихъ. Ихъ роль была подобна той, какая принадлежала такъ называемымъ старостамъ (*senioribus plebis*) Африканской церкви IV и V вѣковъ, которые избирались не изъ духовныхъ, а изъ свѣтскихъ лицъ, занимавшихъ выдающееся положеніе въ обществѣ и отличавшихся благочестіемъ и преданностью интересамъ Церкви.

Къ чрезвычайнымъ служеніямъ апостольскаго вѣка относится и служеніе евангелистовъ. Слово: *евангелистъ* (*εὐαγγελιστής*) встрѣчается въ Свящ. Писаніи три раза: въ Дѣян. XXI, 8, гдѣ діаконъ Филиппъ называется евангелистомъ; въ посл. къ Ефес. IV, 11, гдѣ перечисляются богоучрежденныя служенія въ Церкви, и во 2 посл. къ Тимоѳею IV, 5, гдѣ апостоль Павелъ завѣщаетъ Тимоѳею: *дѣло сотвори благовѣстника*. Названіе это относится, очевидно, къ лицамъ, которыхъ апостолы посылали для проповѣди евангелія, или ученія о царствіи Божіемъ. Эти лица были непосредственными помощниками апостоловъ, ближайшими ихъ учениками и сотрудниками. Вмѣстѣ съ апостолами, евангелисты были первыми провозвѣстниками Христова ученія. Но когда христіанская Церковь уже достаточно упрочилась на землѣ, то, вмѣстѣ съ другими чрезвычайными служеніями, прекратилось

и служеніе евангелистовъ. По первоначальному словоупотребленію, названіемъ *евангелисты* обозначались только тѣ лица, миссія которыхъ состояла въ провозглашеніи людямъ ученія о спасеніи, чѣмъ и полагалось начало насажденію вѣры Христовой; между тѣмъ какъ служеніемъ пастырей и учителей церковныхъ вѣра во Христа предполагается уже существующею ранѣе въ томъ или другомъ мѣстѣ. Задачею этого служенія было уже дальнѣйшее воспитаніе вѣрующихъ въ христіанской жизни и руководство въ усвоеніи ими христіанскаго ученія. Древнѣйшіе толкователи Св. Писанія согласно признаютъ, что служеніе евангелистовъ принадлежало лишь времени первоначальнаго утвержденія и распространенія христіанства на землѣ и, какъ служеніе чрезвычайное, прекратилось съ окончаніемъ этого времени.

Нѣкоторые изъ апостоловъ сами исполняли дѣло евангелистовъ, напр., апостоль Павелъ, жизнь котораго представляетъ непрерывный рядъ миссіонерскихъ путешествій; но были и другіе евангелисты, помимо апостоловъ. Изъ нихъ извѣстны: Лука, Маркъ, Тимоѳей, Титъ, Трифонъ, Аполлосъ, Сила (или Силуанъ), Епафрасъ и др. Они сопровождали апостоловъ во время ихъ миссіонерскихъ путешествій, исполняли ихъ порученія, а иногда и сами основывали Церкви.

Но хотя служеніе евангелистовъ было чрезвычайнымъ, тѣмъ не менѣе оно не исчезло безслѣдно вмѣстѣ съ вѣкомъ апостольскимъ: элементы его продолжаютъ существовать въ Церкви и священствѣ, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Всякое новое возвѣщеніе Евангелія языческому міру нуждается въ этомъ служеніи (Рим. X, 14, 15). Оно представляетъ собою поступательное движеніе христіанства въ его внѣшней и внутренней борьбѣ съ царствомъ тьмы.

Въ Церковной Исторіи Евсевія (кн. III, гл. 37) находится весьма важное мѣсто, которое бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на данный предметъ и показываетъ намъ, какъ пони-

малъ Евсеvй это служенiе. Въ указанномъ мѣстѣ говорится о нѣкоемъ Квадратѣ, жившемъ въ царствованiе Траяна, въ концѣ перваго столѣтiя. Евсеvй называетъ Квадрата и другихъ подобныхъ ему лицъ евангелистами и говоритъ о нихъ слѣдующее: „Въ то время многiе изъ учениковъ, воодушевленные горячею любовью къ божественному Слову, сперва исполнили повелѣнiе Спасителя, раздавъ свое имущество нуждающимся; затѣмъ, оставивъ свою родину, они проходили служенiе евангелиста для тѣхъ, которые еще не были научены вѣрѣ, при чемъ, вмѣстѣ съ славною ревностью къ проповѣдыванiю Христа, они доставляли имъ также книги св. Евангелiя. Положивъ основанiе вѣры въ чужихъ странахъ, поставивъ другихъ пастырями и поручивъ имъ заботу о новообращенныхъ, они шли въ новыя страны и къ новымъ народамъ, сопровождаемые милостью и содѣйствiемъ Божiимъ. Св. Духъ совершалъ много чудесъ черезъ нихъ, такъ что, какъ скоро Евангелiе касалось слуха народовъ, послѣднiе охотно, цѣлыми толпами и ревностно принимали истинную вѣру всѣмъ существомъ своимъ“. Мы видимъ здѣсь, что дѣло евангелистовъ продолжалось; но о немъ сказано Евсеviемъ, какъ о чемъ-то такомъ, что принадлежало собственно апостольской эпохѣ распространенiя и насажденiя Церкви. Если, поэтому, можно говорить о продолженiи дѣла евангелистовъ и въ наше время, то не иначе, какъ только понимая его всецѣло въ смыслѣ миссiонерской дѣятельности Церкви, а не въ смыслѣ особаго служенiя, при чемъ другая обязанность евангелистовъ, именно: устроенiе Церкви среди новопросвѣщенныхъ, поставленiе пастырей и учителей для нихъ, — входитъ въ кругъ общихъ обязанностей постояннаго священства.

Τοὺς δὲ ποιμένας καὶ διδασκάλους—„овы же пастыри и учителя“ (Ефес. IV, 11). Названiя эти соединены вмѣстѣ, какъ обозначающiя одинъ и тотъ же предметъ. Союзъ

„*καί*“ здѣсь, очевидно, не раздѣлительный, выражающій различіе, а соединительный, связывающій сходное. Мысль Апостола течетъ въ перечисленіи различныхъ служеній или дарованій: „апостола“, „евангелиста“, „пророка“ и т. д.; и въ заключеніе, онъ упоминаетъ пастырей и учителей, соединяя ихъ вмѣстѣ, какъ бы тождественныя названія, что подтверждается и отсутствіемъ члена при *διδασκάλους*. Такъ понимаютъ это мѣсто блаж. Августина и блаж. Иеронимъ, равно какъ и многіе изъ новѣйшихъ толкователей. Все различіе здѣсь, кажется, сводится къ тому, что имя „пастырь“ указываетъ преимущественно на административную сторону служенія, въ имени же „учитель“ мыслится сторона чисто дидактическая. То обстоятельство, что въ изъясняемомъ мѣстѣ мы имѣемъ единственный примѣръ употребленія слова *ποιμήν* въ приложеніи собственно къ священническому служенію въ Церкви, усиливаетъ мысль о тождествѣ этого названія съ *διδάσκαλος*. Оба эти служенія предполагаютъ Церковь уже основанною, вѣру уже принятою и составляютъ постоянное священство въ правильно организованной Церкви. Они имѣютъ постоянное, опредѣленное поле дѣятельности; церкви оставлены были на попеченіе „пастырей и учителей“, и эти два служенія составляютъ въ дѣйствительности одно, которое мы называемъ пастырскимъ служеніемъ. Но внимемъ болѣе внимательно въ названіе „пастырь“.

Это прекрасное наименованіе священническаго служенія происходитъ отъ *ποιμαίνω* „пасти стадо“ и прежде всего есть имя, выражающее подлинный характеръ Христа, который есть добрый, т. е. истинный Пастырь. Оно однозначуще съ именемъ „учитель“ и указываетъ на добрыя, родственныя и ласковыя отношенія пастыря и учителя къ своей паствѣ; на его любовь къ пасомымъ, на удовлетвореніе имъ высшихъ потребностей ихъ души и сердца; на его скорѣе сердечныя, духовныя, нежели официальныя отношенія къ нимъ. Самымъ

древнимъ изображеніемъ Спасителя въ христіанскомъ искусствѣ, какъ извѣстно, было изображеніе пастыря, несущаго овцу на своихъ плечахъ, — и замѣчательно то обстоятельство, что „Добрый Пастырь“ римскихъ катакомбъ изображался въ видѣ юноши указывающемъ не только на человѣческую, но и на божественную природу Христа, всегда остающагося однимъ и тѣмъ же, не старѣющагося. Изображеніе обведено кругомъ, символомъ вѣчности и вѣчной жизни, въ которомъ объяты, какъ въ кругѣ вѣчно пребывающей любви, Пастырь и Его стадо. Овцы и козы пасутся подъ надзоромъ Его, идутъ на звуки Его лиры или флейты и переносятся на Его плечахъ: Онъ ихъ Божественный Творецъ, Руководитель, Утѣшитель и Спаситель.

Слово ποιμήν встрѣчается также и въ Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ оно часто прилагается къ Богу (напр. въ пс. XXIII), какъ истинному Пастырю, который сдѣлалъ все, что требуется попеченіемъ о насыщеніи и спасеніи Своего народа. Въ идеѣ ποιμήν содержится 1) питаніе, кормленіе: пастыремъ называется тотъ, кто питаетъ или наставляетъ души въ божественной истинѣ; онъ долженъ кормить свое стадо, подобно пастуху; — 2) любовь или симпатія. Эту отличительную черту идеи пастыря мы можемъ замѣтить въ отношеніяхъ между пастухомъ и овцами въ восточныхъ странахъ: онѣ знаютъ его голосъ и слѣдуютъ за нимъ какъ бы по веревкѣ, привязанныя къ нему своими глубочайшими инстинктами и влеченіями. Истинный пастырь, поэтому, тотъ, кто живетъ всегда съ своими овцами и любитъ ихъ. Третья черта истиннаго пастыря — самопожертвованіе. Восточные пастухи иногда вынуждаются рисковать своею жизнью и дѣйствительно жертвуютъ ею за своихъ овецъ. Въ этомъ свойствѣ отображается самоотверженная любовь Христа къ людямъ. 4) Наконецъ, къ необходимымъ чертамъ пастырской дѣятельности относятся: бодрствованіе, защита, руководство, управленіе. Такъ, Гомеръ

называетъ царей „ποιμέναις λαῶν“ (пастырями народовъ). Названіе это предполагаетъ природную, естественную власть предводительствовать и управлять—въ томъ, къ кому оно прилагается; въ отношеніи къ священнику оно обозначаетъ начальствованіе или предстоительство не въ силу только церковнаго избранія или даже превосходства въ знаніяхъ, но гораздо болѣе въ силу духовнаго и нравственнаго права, какъ принадлежащее тому, кто получилъ законное призваніе къ распространенію слова Божія и руководству людей въ духовной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, мы считаемъ этотъ авторитетъ христіанскаго пастыря чисто духовнымъ, нравственнымъ авторитетомъ, какъ вполнѣ законное и естественное вліяніе назначеннаго учителя истины, который проходитъ Богомъ установленное служеніе. И тотъ, кто исполняетъ свой пастырскій долгъ честно, будетъ имѣть всегда достаточную силу и авторитетъ; кто же ищетъ большаго, тотъ обнаруживаетъ въ себѣ присутствіе иного, честолюбиваго начала. Ап. Павель, въ 2 Кор. 1, 24, говоритъ: „не яко обладаемъ вѣрою ващю“; а ап. Петръ, въ первомъ своемъ посланіи, научаетъ пастырей: „пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нуждею, но волею и по Бозѣ: ниже неправедными прибытки, но усердно; ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду“ (V, 3). Наконецъ, то обстоятельство, что одно и то же наименованіе ποιμήν прилагается и къ Самому Христу, какъ главѣ Церкви, и къ Его служителю, указываетъ на высочайшій дѣйствительный авторитетъ, принадлежащій каждому служителю Церкви.

Διδάσκαλος. По мнѣнію Неандера, названіе это прилагалось къ каждому члену Церкви, владѣвшему особеннымъ даромъ ученія, независимо отъ того, священникъ онъ, или нѣтъ. Можетъ быть, это и правда, потому что, какъ раньше было замѣчено, не всѣ эти имена первоначально обозначали

особыя служенія, но скорѣе—различныя дарованія, въ то время болѣе необходимыя, чѣмъ теперь.

Въ дѣйствительности, всѣ служенія, о которыхъ упоминается въ апостольскихъ писаніяхъ, возникли подъ вліяніемъ особенныхъ нуждъ того исключительнаго періода; такъ, напр., произошло служеніе діакона. Люди, особенно способные къ какому нибудь служенію, избирались изъ всего числа вѣрующихъ; и однако, прежде чѣмъ закончился апостольскій вѣкъ, въ Церкви уже существовало правильно установленное священство (іерархія). Имя *διδάσκαλος* вообще обозначаетъ служеніе, которое Неандеръ называетъ „внутреннимъ руководствованіемъ въ словѣ“, или—человѣка, который, какъ сказано въ 1 Тим. V, 17, „трудится въ словѣ и ученіи“. Оно, какъ и *ποιμήν*, составляетъ существенную часть въ идеѣ христіанскаго священника, который есть по преимуществу „служитель слова“, и употреблено не въ такомъ сочетаніи, которое бы противорѣчило тождеству между нимъ и *ποιμήν*, какое мы видѣли въ Ефес. IV, 11.

Учителемъ, по Неандеру, былъ тотъ, кому преимущественно ввѣренъ былъ *λόγος γνώσεως*, размышляющая и учительная способность; пастырь же былъ болѣе одаренъ *λόγος'ομψοφίας*, практической мудростью и способностями административными. Это скромное и вмѣстѣ съ тѣмъ славное служеніе учителя безусловно необходимо для Церкви и принадлежитъ къ числу тѣхъ служеній, которыя должны привлекать къ себѣ особенное вниманіе высшей церковной власти во всякой странѣ.

Какъ вести внѣбогослужебныя чтенія для народа¹⁾?

Чтенія по изъясненію богослуженія Православной Церкви.

Ни для кого не тайна тотъ печальный фактъ, что не только простолюдины, но и большинство изъ лицъ интеллигентныхъ не могутъ объяснить значеніе многихъ самыхъ употребительныхъ священнодѣйствій, а еще менѣе можно ожидать яснаго и правильнаго пониманія наиболѣе употребляемыхъ при богослуженіи псалмовъ, ирмосовъ, догматиковъ, стихирь, тропарей, воскресныхъ и праздничныхъ евангелій и апостольскихъ чтеній. И это явленіе совершенно объяснимо, такъ какъ не существуетъ ни одного учебника по объясненію богослуженія, въ которомъ было бы обращено серьезное вниманіе на указанную сторону. Пастырямъ Церкви необходимо пополнить этотъ пробѣлъ, послѣ чего можно ожидать, что богослуженіе Православной Церкви будетъ особенно благотворно дѣйствовать на молящихся въ смыслѣ назиданія. По нашему мнѣнію, слѣдуетъ объяснить въ указанномъ смыслѣ:

- 1) всенощное бдѣніе,
- 2) литургію,
- и 3) значеніе обрядовъ, употребляемыхъ при совершеніи таинствъ.

Объясненіе главнымъ образомъ, очевидно, должно состоять въ уясненіи славянскаго текста употребляемыхъ при богослуженіи чтеній, молитвословій и пѣснопѣній.

Чтенія и изъясненіе избранныхъ мѣстъ изъ Св. Писанія.

Всѣмъ извѣстна любовь русскаго народа къ чтенію священныхъ книгъ и преимущественно Псалтири, а въ послѣд-

¹⁾ См. № 9-й.

нее время и книгъ Новаго Завѣта, послѣ того какъ въ его средѣ получилъ широкое распространеніе Новый Завѣтъ въ переводѣ на русскій языкъ. Но понятно также и то, что не всѣ читаемыя мѣста понимаются имъ надлежащимъ образомъ, а между тѣмъ многія изъ такихъ мѣстъ особенно нуждаются въ объясненіи. Такъ напр. 1) тѣ мѣста, которыя особенно часто употребляются при богослуженіи (на часахъ, въ праздничныхъ пареміяхъ, на вечерни и утрени), 2) тѣ, которыя имѣютъ особенную важность въ догматическомъ, правоучительномъ и историческомъ отношеніи, и 3) тѣ, которыя превратно толкуются раскольниками и разными сектантами.

Существуетъ прекрасный, хотя и неполный, „Указатель чтеній изъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта для среднихъ учебныхъ заведеній“, сост. проф. прот. А. Иванцовымъ-Шелтоновымъ.

Мы глубоко убѣждены, что пастыри, ведущіе внѣбогослужебныя чтенія, не упустятъ случая познакомить своихъ пасомыхъ съ истиннымъ смысломъ иныхъ мѣстъ Библии, какъ богатаго источника для религіозно-нравственнаго назиданія.

Чтенія изъ русской гражданской исторіи.

Мы уже упоминали о томъ, что не все, что составляетъ исторію Россіи, можетъ быть предметомъ чтеній для народа. Чтобы отчетливѣе представить себѣ, что нужно читать изъ русской исторіи для народа, стоитъ только припомнить тотъ совѣтъ, который дается Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ объявленіи на конкурсъ на составленіе исторіи Россіи для народа. 1) Въ разсказахъ по русской исторіи, — читаемъ въ объявленіи этомъ, — должны рѣшительнымъ образомъ преобладать событія и дѣянія, въ коихъ обнаруживается характеръ какъ всего русскаго народа, такъ и отдѣльныхъ историческихъ лицъ, надъ очер-

нами нравовъ и образа жизни, гражданскаго и экономическаго положенія Россіи въ различныя эпохи ея исторіи, и этой бытовой и описательной стороны исторіи должно дать лишь столько мѣста, сколько необходимо для живаго и яснаго изображенія самыхъ событій и дѣйствующихъ лицъ. 2) Предлагаемыя народныя чтенія по исторіи отнюдь не должны возбуждать въ слушателяхъ сословной розни, вообще чуждой русскому народу. Составитель исторіи Россіи для народа долженъ стать сторонникомъ не какой либо части, а цѣлаго русскаго народа. Сочиненіе это не должно также питать враждебности къ инородцамъ и иновѣрцамъ, которые нынѣ стали, или же должны стать и мало-по-малу дѣйствительно становятся мирными гражданами одного и того же русскаго государства, хотя самое изображеніе борьбы съ ними въ прежнія времена должно оставаться вѣрно духу тогдашняго времени. 3) Повѣствуя о прошедшихъ судьбахъ русскаго народа съ полнымъ къ нему сочувствіемъ, составитель исторіи Россіи для народа не можетъ не проникнуться тѣми чувствами и воззрѣніями, которыя воодушевляли народъ русскій въ великія эпохи его исторіи, и которыя выразились, между прочимъ, въ изустныхъ и письменныхъ сказаніяхъ народной поэтической и духовной литературы. Живые и образные очерки, между прочимъ и на основаніи этихъ преданій, такихъ историческихъ дѣятелей, которыхъ народная память чтить, какъ героевъ, воплотившихъ въ себѣ идеаль нравственнаго совершенства, духовнаго подвижничества, правительственной мудрости или ратнаго мужества, имѣютъ право на преобладающее мѣсто въ книгѣ для народнаго чтенія. Заимствованія изъ поэтической и духовной литературы и народныхъ преданій могутъ быть допускаемы даже тамъ, гдѣ подлинность самаго факта не представляется безспорною, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ наибольшую важность имѣетъ не самый фактъ, а отношеніе къ нему народнаго

сознанія и тѣ черты, которыя народная память утвердила за извѣстнымъ событіемъ или лицомъ. 4) Вообще же предполагаемое сочиненіе по исторіи Россіи должно быть, по мнѣнію Ученаго Комитета, чуждо всякой вносимой извнѣ тенденціозности: оно должно оставаться вездѣ строго вѣрнымъ исторической истинѣ, слѣдовать исключительно тѣмъ воззрѣніямъ и толкованіямъ, которыя прочно установились въ наукѣ. Поэтому изъ него должны быть тщательно устранены всѣ поспѣшныя, спорныя и еще болѣе—тенденціозныя выводы, внесенныя въ историческую литературу въ позднѣйшее время. Во всѣхъ спорныхъ вопросахъ необходимо слѣдовать лѣтописному, а также и народному преданію, какъ объяснено выше.

Къ этимъ совѣтамъ намъ нечего прибавлять. Скажемъ только, что хотя полной исторіи Россіи, въ указанномъ духѣ еще нѣтъ, за то есть не мало отдѣльно разработанныхъ вопросовъ, вполне удовлетворяющихъ сдѣланнымъ указаніямъ.

Чтенія по обличенію раскола и вообще сектантства.

Не вездѣ является необходимость заводить рѣчь объ указанномъ въ заголовкѣ предметѣ. Но въ виду того, что въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества находится много раскольниковъ, а въ послѣднее время на югѣ и юго-западѣ Россіи получили широкое распространеніе секты шундистовъ, баптистовъ и шалопутовъ, намъ думается, пастыри приходовъ въ указанныхъ мѣстахъ, не останутся равнодушными къ опасностямъ и нуждамъ своихъ пасомыхъ, и постараются предохранить ихъ отъ пагубныхъ сѣтей, которыми стараются ихъ опутывать пропагандисты расколоученія и ересеученія. Мы должны сказать, что пастырь, предохраняя своихъ пасомыхъ отъ заразы лжеученія долженъ быть крайне осторожнымъ, чтобы какимъ нибудь сильнымъ обличительнымъ

словомъ не раздуть вражды между православнымъ населеніемъ и сектантами. Можно однимъ словомъ пустить пожаръ, а потомъ и не утушить, да и пользы отъ этого не можетъ быть никакой, а скорѣе можетъ получиться вредъ, такъ какъ расколоучители и сектаторы могутъ придать подобнымъ явленіямъ свою характерную окраску, и такимъ образомъ поколебать довѣріе пасомыхъ православныхъ къ своему пастырю. И тѣмъ болѣе это возможно, что они главнымъ образомъ и приобрѣтаютъ себѣ адептовъ изъ православныхъ, распространяя между ними самые невѣроятные слухи о безнравственности, корыстолюбіи и т. под. порокахъ православныхъ пастырей. Это ихъ излюбленныя темы въ бесѣдахъ съ православными. Само собою понятно, что нужно прежде всего опровергать подобныя клеветы, но слѣдуетъ говорить о клеветникахъ не съ злобою, а съ сожалѣніемъ объ ихъ ослѣпленіи. Затѣмъ, нужно не опровергать только ихъ ученіе, а вкоренять истинное ученіе о Церкви, церковной іерархіи, о почитаніи святыхъ, о приснодѣвствѣ Богородицы, о таинствахъ, о почитаніи св. иконъ и т. п. предметахъ истиннохристіанскаго православнаго вѣроученія.

Нѣкоторыя свѣдѣнія по естествовѣдѣнію.

Чтенія изъ этой области знанія главнымъ образомъ и почти исключительно могутъ имѣть своимъ предметомъ тѣ факты, которые имѣютъ приложеніе къ крестьянскому земледѣльческому, или же кустарно-промышленному быту. Напр. какъ много терпитъ неудачъ въ своемъ хозяйствѣ нашъ крестьянинъ потому только, что онъ не знаетъ и не можетъ знать качествъ почвы и ея свойствъ, употребляетъ только первобытный способъ обработки и удобренія почвы, не зная улучшеній въ этой области; а также онъ не умѣетъ пользоваться природными благами только потому, что не знаетъ,

какъ ихъ извлекать изъ земли; такъ онъ не знаетъ улучшен-
ныхъ способовъ садоводства, пчеловодства, огородничества,
хмѣловодства и т. п. сторонъ прикладныхъ естественныхъ
наукъ. И изъ физическихъ явленій и законовъ могутъ быть
объяснены только такіе, которые имѣютъ практическое при-
мѣненіе при устройствѣ различныхъ машинъ. Также необхо-
димо простыхъ слушателей познакомить съ такими свойствами
нѣкоторыхъ тѣлъ, которыя въ свою очередь могутъ имѣть
практическое примѣненіе, напр. тяжесть и упругость воз-
духа, хорошая и плохая теплопроводность нѣкоторыхъ тѣлъ
и важное значеніе въ практической жизни этихъ свойствъ.
И наконецъ необходимо познакомить поселянъ съ употребе-
ніемъ барометра, какъ прибора для предугадыванія погоды,
знать состояніе которой напередъ весьма важно, особенно
при уборкѣ хлѣба и сѣна.

Чтенія изъ популярной гігіены.

Никто не станетъ противорѣчить, что многіе не только
простолюдины, но и интеллигентные часто заболѣваютъ и не
могутъ освободиться отъ своей болѣзни только потому, что
не знаютъ самыхъ элементарныхъ требованій гігіены. Мало
того, простой народъ, по той же причинѣ, нерѣдко прибѣ-
гаетъ (во вредъ своего здоровья) къ разнымъ нелѣпостямъ
знахарскаго лѣченія. Поэтому пастырь, которому дорого бла-
гополучіе его пасомыхъ, постарается предохранить ихъ отъ
вреднаго вліянія воздуха, воды, почвы, свѣта, жилища, пищи,
напитковъ, сна, занятій и т. п. и научить ихъ наилучшему
способу очищать воздухъ, какъ въ частныхъ, такъ и обще-
ственныхъ зданіяхъ и помѣщеніяхъ для жилья, — здоровому
водоснабженію, обеззараженію почвы; укажемъ правильность
освѣщенія, научить здоровому употребленію пищи, сна и на-
питковъ, надлежащему уходу за своимъ тѣломъ, какъ въ

здоровомъ состояніи, такъ и во время болѣзни и т. п. И какую высокую службу сослужилъ бы сельскій священникъ и народный учитель, какъ его ближайшій и главнѣйшій сотрудникъ по благоустроению приходской жизни, если бы своимъ разумнымъ словомъ показалъ крестьянину, чего тотъ долженъ избѣгать, какъ онъ долженъ устроить свою жизнь, чтобы поменьше подвергаться губительнымъ болѣзнямъ, нерѣдко окончательно разстраивающимъ его домашнее хозяйство.

(Продолженіе будетъ).

Извѣстія и замѣтки.

Вредъ отъ куренія табаку.—Къ злоупотребленію табакомъ многіе относятся черезчуръ легко, тогда какъ онъ можетъ угрожать опасностью даже для жизни. Въ одной англійской медицинской газетѣ недавно былъ сообщенъ слѣдующій случай смерти вслѣдствіе чрезмѣрнаго куренія табаку. Одинъ предприниматель, утомленный торговыми дѣлами, по возвращеніи домой выкурилъ передъ сномъ нѣсколько сигаръ и сигаретокъ (сколько именно—не извѣстно). Послѣ довольно безпокойнаго сна, на саѣдующее утро онъ, отказавшись отъ пищи, снова началъ курить сигары, и такимъ образомъ имъ была проведена большая часть дня, при чемъ онъ ничего не ѣлъ, выпилъ только немного вина и въ теченіе менѣе 12 часовъ выкурилъ 40 сигаретокъ и 14 сигаръ. Къ вечеру у него появились общая слабость и возбужденное состояніе; ночь онъ провелъ безъ сна. Призванный по утру врачъ нашель у него непрерывное дрожаніе мышцъ, потерю произвольныхъ движеній нижнихъ конечностей, разширеніе зрачковъ, затрудненіе рѣчи и слабый, по временамъ неправильный пульсъ. Поверхность тѣла была холодна и покрыта клейкимъ потомъ; дыханіе неправильно и шумно. Выдыхаемый воздухъ, равно какъ и кожная испарина, имѣли ясный запахъ табаку. Позднѣе больной мало-по-малу совершенно утратилъ сознаніе, явленія паралича мышцъ усилились, восходя постепенно отъ ногъ къ рукамъ. Дыханіе стало очень затруднено вслѣдствіе наполненія дыхательныхъ путей водянистою жидкостью. Послѣднее обстоятельство и было, повидимому, ближайшей причиной смерти.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Борисъ.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 22 марта 1890 г.
Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул., собств. домъ.